

ВИКТОРИЯ и СЕРГЕЙ
ЖУРАВЛЕВЫ

ВОРОЛОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж91

Иллюстрация на развороте – *не буди* | Victoria Chase

Редактор серии Анастасия Осминина

Оформление серии Екатерины Петровой

Журавлева, Виктория Игоревна.

Ж91 Воролов / Виктория и Сергей Журавлевы. – Москва : Эксмо, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-04-223887-1

В сыскной системе Российской империи конца XIX века особую роль играли вороловы – агенты, за плату разыскивавшие опасных преступников. В мире, где в паспортах нет фотографий, а на проверку алиби уходят месяцы, рассчитывать можно лишь на опыт и чутье. Вот и теперь, после подозрительной смерти театральной примы, у сыщика Петра Александровича Азаревича есть четверо подозреваемых, две актрисы, каждая из которых может стать очередной жертвой невидимого убийцы, очень мало времени и совсем нет права на ошибку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Журавлева В.И.,
Журавлев С.Ю., 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-223887-1

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава I	9
Глава II	24
Глава III	34
Глава IV	49
Глава V	63
Глава VI	73
Глава VII	91
Глава VIII	102
Глава IX	115
Глава X	122
Глава XI	141
Глава XII	162
Глава XIII	176
Глава XIV	186
Глава XV	195
Глава XVI	215
Глава XVII	225
Глава XVIII	239

Оглавление

Глава XIX	256
Глава XX	268
Глава XXI	285
Глава XXII	296
Глава XXIII	320
Глава XXIV	334
Послесловие	346

А которые воры чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнити смертию.

А будет кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно
учинити,
или ея ис того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят, и учнут помочь чинити тем людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которая люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнити смертию.

Соборное уложение 1649 года.

Гл. XXII. Ст. 13, 16

ГЛАВА I

Утро 2 октября 1891 года началось для Петра Александровича Азаревича чрезвычайно скверно.

Отодвинув тяжелую бархатную гардину, он мрачно смотрел в клубящийся за окном промозглый московский туман. Свет с трудом пробивался сквозь бесцветную пелену и капли на стекле.

Азаревичу нечасто приходилось видеть город с высокого — четвертого — этажа. Отсюда, из окон изысканной квартиры доходного дома Синицына, были видны еще спящие под утренним дождем улицы и бульвары со стройными рядами деревьев, фонарей и электрических столбов, золоченые купола и кресты соборов, тонкие шпили пожарных каланчей и стальные крылья мостов, под которыми по излучине реки сонно проплывали груженные баржи. Над серо-рыжими гребнями мокрых жестяных крыш с пеньками дымоходов и скворечниками слуховых окон то тут, то там в бледное рассветное небо вонзались кирпичные фабричные трубы, а вдали, в туманной вышине над городом, темнели кремлевские двуглавые орлы.

У подъезда дома уже чернела цепь фигур в полицейской форме, готовых гнать прочь еще не появившихся тут случайных прохожих и неслучайных репортеров. Не пройдет и часа, как здесь появятся и те и другие...

На подоконнике рядом с потухшей закоптелой керосиновой лампой лежала свернутая театральная программка. «Спящая красавица» Петра Чайковского — кто не слышал о главной премьере этого сезона! На сложенном вдвое листе бумаги была изображена спящая барышня в длинной «шопеновской» пачке.

Азаревич обернулся.

За ним на украшенной резьбой кровати в таком же одеянии лежала мертвая девушка. Художник, готовивший программку к спектаклю, передал черты именно ее лица. Вокруг тела деловито сновали полицейские, а в дверях то и дело появлялись и исчезали любопытные лица обитателей доходного дома. В воздухе стоял сильный запах лекарств.

В комнату вошел высокий подтянутый мужчина лет сорока пяти с небольшой аккуратной бородкой, тонкими чертами лица и властным тяжелым взглядом. Это был прокурор Московской судебной палаты Алексей Васильевич Мышецкий.

Азаревич, заметив знакомую худощавую фигуру в черном прокурорском кителе с двумя рядами блестящих пуговиц, пригладил ладонью свои чуть тронутые сединой волосы, подкрутил пышный ус, привычно вытянулся и по-военному поправил на себе синий потертый сюртук.

— Здравствуйте, Петр Александрович, — приветствовал старого соратника Мышецкий. — Я очень рад, что застал вас в городе. Опасался, как бы вы снова не исчезли на наших необъятных просторах!

— Здравия желаю, ваше превосходительство. Напрасно опасались: я уже год не покидаю Москвы, — отозвался Азаревич, но удивления в глазах Мышецкого не заметил. — Вы ведь осведомлены о том, что я решил оставить службу?

— Осведомлен, равно как и о вашем добровольном затворничестве. И тем не менее я сразу вызвал вас сюда, пусть вы и не из числа тех, кто должен прибыть на место преступления первым.

— Зато часто бывал тем, кто ловил виновного...

— Именно! И потому, Петр Александрович, полюбуйтесь, пожалуйте, на это!

Прокурор указал на комнату, будто на сцену с расставленными там декорациями:

— Сегодня все так располагает к театральности! Знаете, я вовсе не драматург, однако я все же познакомлю вас с наброском либретто первого акта этой драмы. Вы наверняка слышали, что сегодня вечером в Императорском театре должна была состояться премьера балета «Спящая красавица». Амадея Лозинская, или, точнее, Зинаида Осипова, — он указал на мертвую девушку, — должна была сегодня вечером срывать овалы огромного зала, начав свое головокружительное восхождение

на театральнѳй Олимп. Однако пару часов назад балерину нашла горничная; ее все еще успокаивают в соседней комнате... И я, осмотревшись здесь, решил послать за вами.

— Но я никогда не занимался предварительными расследованиями! Мое дело — сыск: выследить, изловить и передать преступника в ваши руки. Я решительно не понимаю, зачем я здесь! Платок с хлороформом в руке, аккуратно открытая баночка со снотворным на столике... Похоже, девица лишь решила крепко-накрепко заснуть, а уж отчего, я судить не возьмусь.

— Петр Александрович, скажу честно: ваша манера работы и ее результаты меня всегда восхищали. Теперь же позвольте и мне попытаться удивить вас. Думаю, — Мышецкий повысил голос, — господа следователи закончат осмотр места происшествия и представят мне отчет к полудню. А вас, — он снова обратился к Азаревичу, — я приглашаю спуститься в ресторацию и позавтракать со мной. Надеюсь, вы, отдалившись от дел, еще не теряете напрочь аппетит при виде усопших?..

* * *

Обслужили их быстро. Расторопный половой в косоворотке подал на стол яичницу, нарезанную толстыми ломтями колбасу и горячий чай.

— Послушайте, Петр Александрович, — начал прокурор, беззвучно помешивая ложкой сахар в стакане, — отчего вы оставили службу?

— Я не служил в полиции, — буркнул Азаревич, — я трудился на полицию, и отчет в своих действиях я даю только себе.

— И все же тридцать пять лет — возраст расцвета для мужчины, — продолжил Мышецкий, — пора усердной работы и деятельного продвижения по службе! Да и столь искусных филеров, как вы, в нашем ведомстве никогда не обделяли жалованьем и наградами!

Азаревич поморщился:

— Нет, благодарю! Эти названия оставьте мальчикам с бомбами! Филеры — это агенты наружного наблюдения. Оттого, что им часто поручают слежку за излишне ретивыми фрондерами¹, их имя уже склоняют на все лады. А я в политику не лезу. Я по заданию полиции или прокурора лишь выслеживаю преступника и беру его. А потом беру положенную награду. Таких у нас в Сибири часто называют вороловами или, если угодно, охотниками.

— Охотниками? Очень интересно!

— Да, охотниками. Охотниками за головами. Но здесь, в Москве, я и слово «агент» перевариваю с большим трудом. Благо это все уже в прошлом...

— А у меня, Петр Александрович, — вздохнул Мышецкий, — в самом что ни на есть настоящем! Однако к чему же это я? Взгляните-ка! Это, на мой взгляд, до крайности занимательно!

¹ Фрондер (*здесь, перен.*) — человек, любящий фрондировать, выражающий недовольство чем-нибудь, оппозиционер.

Он, отодвинув в сторону тарелку Азаревича, вынул из кармана кителя свернутый фантиком лист, аккуратно его развернул и положил перед собеседником. На листе лежали несколько бумажных клочков и записка, нацарапанная на осьмушке тонкой голубоватой писчей бумаги.

— Предсмертное послание? — без удивления спросил бывший сыщик.

— Да. Ознакомьтесь!

Почерк был неразборчив: видимо, рука девушки сильно дрожала. Но Азаревич все же сумел прочитать:

«Это высшая справедливость. Так должно случиться. Иначе быть не может».

— Лаконично! Уходит из жизни, никого не обвиняет. Вы находите в этой записке что-то странное?

— Отнюдь! Записка действительно малопримечательная. Но вот эти клочки — совсем другое дело!

— Неудачная проба пера?

— Не совсем.

Мышецкий бережно развернул смятые кусочки и выложил их на скатерти, как мозаику, старательно подбирая каждому фрагменту свое место.

— Вот так, — удовлетворенно протянул он, когда обрывки сложились в лист бумаги правильной формы. — Сможете это прочесть?

Измятые и порванные клочки составляли записку, написанную тем же дрожащим почерком:

«Этот человек не даст мне уйти живой. Смерть эта не по моей воле. Боже, не оставь меня».

Азаревич вопросительно взглянул на прокурора:

— Значит, с нею рядом был кто-то еще?

— Похоже, что так.

— Вы хотите сказать, что ее убили?

— Скорее убедили.

— В чем?

— В решении покинуть этот бранный мир и уйти в царство вечного сна, подобно сказочной принцессе, которую этой несчастной предстояло сыграть нынче же вечером.

— Смело! Вы намекаете на доведение до самоубийства?

Мышецкий аккуратно свернул бумажные обрывки и снова спрятал их в карман.

— Находчиво, не правда ли? Я нечасто сталкиваюсь с подобным. Зверь — это всегда зверь, добыча — всегда всего лишь добыча. А тут дичь взяла да и показала зубы. И актриса, наверное, была неплохая: догадаться не сразу писать то, что требует душегуб, разыграть сцену с разрыванием неудавшейся записки, да так, чтобы он ничего не заподозрил... Эти клочки я намерен сберечь для суда.

— Подозреваемые имеются?

— Вы, кажется, переменили свое мнение? Ведь лишь четверть часа назад спокойно говорили мне о том, что это обычное самоубийство, каких в наш нездоровый век сотни за год...

— С запиской все выглядит несколько иначе.